

отдать народу сему справедливость въ остроу ума; ибо дѣти ихъ весьма скоро понимали свои уроки, и некоторые до отъѣзду моего столько выучились по Россійски говорить, что безъ нужды можно было ихъ разумѣть. Я оставилъ таковыхъ учащихся грамотѣ 25 мальчиковъ, которые гораздо охотнѣе желаютъ быть съ Россіянами, нежели съ дикими ихъ отцами. Такими и путями старался доводить ихъ до того, что бы они увидѣли свое нечужество. Всегда боролся я съ работными моими, равнявшимся къ ссорѣ, и на конецъ имъ же самимъ показалъ изъ того пользу. Дикіе узнавши о силѣ даваемыхъ имъ мною записокъ, отлучаясь на дальнія промыслы, брали у меня такъ сказать билеты, дабы оныя показывать въ случаѣ встрѣчи съ разосланными отъ меня въ дальнія мѣста артелями, въ доказательство, что они принадлежатъ къ мирнымъ и намъ доброжелательствующимъ. Защищая же ихъ людьми моими отъ набѣговъ на нихъ изъ другихъ мѣстъ Дикихъ, далъ имъ чувствовать, сколь пріятно жить въ покоѣ; ибо послѣ сего не отваживались непріятели ихъ дѣлать на нихъ нападенія. Видѣвшіе же при томъ, что услуги ихъ мнѣ показываемыя не оставались безъ награды, желали, чтобы я вѣчно съ ними остался. Я могу сказать и хвалиться тѣмъ, что когда узнали они о моемъ отъѣздѣ, то столько о томъ печалились, какъ будто все уже теряли; но при семъ случаѣ я поручилъ все дѣла мои оставленному тамъ мною правителю Енисейскому купцу Самойлову, такому человеку, на котораго надѣялся я, что будетъ слѣдовать всему тому, что я показалъ: сверхъ же того снабдилъ я его и довольнымъ на бумагѣ наставленіемъ. До отбытія моего, по извѣстіямъ отъ Дикихъ, которые хотя и не могутъ ни малой вѣрности дать о числѣ мирныхъ Конягъ совершенно доброжелательствовавшихъ мнѣ, но изъ рассказовъ ихъ и моихъ замѣчаній, можно почти вѣрно считать преданныхъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ обоюдо пола съ лишкомъ 50000 душъ. Я никогда не упоминалъ имъ о платежѣ Ясака, дабы не подать какаго подозрѣнія, или не было бы имъ сіе претыканіемъ, а старался только преклонять ихъ къ хорошимъ мыслямъ о Россіянахъ, и вводить исподоволь въ наши обычаи такъ, чтобы не только не противны они имъ были, но и перенимали бы оныя, оставляя въ прочемъ разсмотрѣнію высокаго правительства, какъ поступить въ разсужденіи Ясака.

Въ 1785-мъ году между работными моими людьми примѣчена цынготная болѣзнь, которая на конецъ такъ усилилась, что съ половины зимы оныя умирать начали, а оставшіеся сильно ослабѣвали. Слухъ о семъ вездѣ разнесся, и некоторые между отдаленными Дикими примѣченны сборища. О семъ уведомили насъ совершенно доброжелательствующіе намъ Коняги, прибавивъ къ тому, что оныя идутъ противъ насъ; и для того не ожидая дальнѣйшихъ моихъ наставленій, поспѣшили сами разсѣять оныя, приведя ко мнѣ главныхъ заговорщиковъ, по признанію которыхъ въ ихъ намѣреніи нашелъ я нужнымъ задержать ихъ у себя подъ стражею. 9-го числа Апрѣля отправилъ я изъ Россійскихъ одного Расетнаго съ тысячею человекъ мирныхъ Конягъ, (кои все изъ усердія ко мнѣ сами вызвались для безопасности онаго человека провожать на Унгинскіе острова, наименованныя отъ